

УДК 82-1/-9+929Буйда

«ПРУССКАЯ НЕВЕСТА» И «ЖУНГЛИ» Ю. В. БУЙДЫ: ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

С. В. Нестерова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

В статье рассматриваются два эпических прозаических цикла Ю. В. Буйды «Прусская невеста» (1998) и «Жунгли» (2011). Обе книги выстроены с помощью единых принципов циклизации, к которым можно отнести такие элементы, как метафорическое заглавие, «сквозные» персонажи, образ «маленького человека» как центрального героя, особое именование персонажей, повторяющиеся мотивы.

Ключевые слова: *цикл, рассказ, заглавие, рама, мотив, имя*

Рассказы, печатавшиеся Ю. В. Буйдой по отдельности с 1991 г., были позднее собраны в книгу «Прусская невеста» (1998) [5]. Книга имела огромный успех и неоднократно становилась предметом исследования. Среди других рассматривалась и проблема её жанра. Текст называли то «книгой рассказов» (К. А. Дегтяренко [9], С. А. Сорокина [17]), то «сборником» (Т. Ирмияева [11]). Более точное определение даёт О. А. Славникова: «Книга “Прусская невеста” - это не сборник рассказов и не роман в рассказах. Перед нами составное повествование, чьи части взаимодействовали ещё тогда, когда были разбросаны по журнальной периодике и читались как отдельные произведения <...> Сложенные вместе, рассказы Юрия Буйды не обрели специализации, сюжетной и персонажной соподчинённости, какие необходимы для самой свободной формы романа. Но они и не стали, конечно, обычным авторским сборником. Эта книга скорее может быть определена как колония текстов, способная разрастаться за пределы данной книжной обложки» [16, с. 212–213].

С ней не соглашается А. Л. Агеев, называя «Прусскую невесту» «книгой», понимая под этим особый жанр: «“Прусская невеста” - не сборник, а книга рассказов (всё-таки не пойдём на поводу у аннотации, сообщающей нам, что её “можно рассматривать как роман в новеллах” - нету здесь ни романного героя, ни романного сюжета, да и вообще сказать “роман” - вовсе не значит похвалить и возвести на более высокую ступеньку жанровой иерархии). Собранные под одной обложкой рассказы, печатавшиеся небольшими порциями в разных местах в течение нескольких лет, производят на читателя совсем иное впечатление» [1, с. 213–214]. Некоторые исследователи соглашаются с тем, что «Прусская невеста» – это «роман в рассказах». Геннадий Каневский пишет: «... это роман в рассказах (или - в новеллах). Но книга составлена таким образом, что это ещё и “роман воспитания”» [12].

Похожим образом обстоит дело с определением жанра и другого произведения Ю. В. Буйды - «Жунглей». Например, А. Гуськова фактически по-

вторяет мысль О. А. Славниковой: «Наличие повторяющихся образов превращает “Жунгли” в некоторое подобие романа, вернее, “текста” о Чудове» [8, с. 187]. Впрочем, далее такое определение ставится под сомнение: «Очевидно, что из этого скоро должно воплотиться что-то новое, иного уровня. Так появляется роман “Синяя кровь”» [8, с. 187]. «Синяя кровь» [6] и «Жунгли» [4] действительно имеют много общего, но отнести их к романам нельзя.

Иное жанровое определение, которое представляется наиболее верным, озвучил Захар Прилепин в своей рецензии на «Жунгли»: «“Жунгли” - это цикл рассказов, с общими героями, живущими в одном месте» [15]. Странно, что такое определение жанра не появилось по отношению к текстам Ю. В. Буйды раньше. Причиной этому может быть, во-первых, отсутствие авторского определения жанра, а, во-вторых, тяготение текстов Буйды к жанру романа, созданное использованием особых принципов циклизации, на которых мы остановимся подробнее.

Принципы циклизации, которые использует Буйда в книгах «Прусская невеста» и «Жунгли», для русской литературы не новы. Нечто подобное встречается в циклах Л. Е. Улицкой «Девочки» и «Люди нашего царя» [10] и некоторых зарубежных произведениях, например, у польского писателя Б. Шульца («Санаторий под клепсидрой» и «Коричные лавочки» [18]).

Итак, рассмотрим принципы циклизации на примере «Прусской невесты», помня, что единый текст «Жунглей» построен на тех же основах.

Первый и последний рассказы «Прусской невесты» являются своего рода обрамлением цикла, на что в первую очередь указывают подзаголовки: «Прусская невеста (вместо предисловия)» [5, с. 5], «Буйда (вместо послесловия)» [5, с. 303]. Рассказы-обрамления не только объединяют все эпизоды цикла, но и актуализируют фигуру рассказчика. В терминологии Е. Ю. Афонинной такой цикл является примером «полицентрической художественной системы... со “сквозными” персонажами» [2, с. 92]. В то же время «Прусская невеста» – это и автобиографический цикл.

Наименование первого рассказа почти полностью совпадает с заглавием всего цикла. В рассказе «Прусская невеста» заглавие воспринимается как однозначное, даже как антропоним, т.к. прусская невеста – это найденное на кладбище тело молодой девушки. Но к концу рассказа значение словосочетания «прусская невеста» расширяется: *«Та девочка, покой которой мы с Матрасом нарушили, была невестой. Именно невестой: не чуждой, но и не женой. Между живыми и мёртвыми существуют отношения любви как высшее проявление памяти, то есть отношения идеального жениха и идеальной невесты. И именно Слово - та печь, где любовь становится скрепляющей нас известью»* [5, с. 8]. Для рассказчика она соединила в себе прошлое Кёнигсберга и настоящее Калининграда – «малой родины» Ю. В. Буйды: *«Через Восточную Пруссию немецкая история стала частью истории русской. И наоборот»* [5, с. 7]. Однако первые поселенцы ничего не знали об истории земли, на которой они теперь жили: *«Десяти-двадцати-тридцатилетний слой русской жизни зыбился на семисотлетнем основании, о котором я ничего не знал. И ребёнок начинал сочинять, собирая осколки той жизни, которые силой его воображения складывались в некую картину... Это было творение мифа. Рядом - рукой*

подать - был заколдованный мир, я жил в заколдованном мире» [5, с. 8]. Так вводится в ткань первого рассказа основной мотив цикла «Прусская невеста» – мотив творения рассказчиком и его персонажами мифа о городе, а чаще – о собственной жизни. Эту мысль о додумывании, а порой и о выдумывании истории Калининграда Ю. В. Буйда неоднократно раскрывал и в своих интервью [14]. Таким образом, определяя название первого рассказа заглавием всего цикла, автор создаёт единый миф-текст о городе.

Обозначенные принципы циклизации - метафорическое заглавие, единый повествователь, мотив мифотворчества – характерны не только для циклов, но и для авторских сборников рассказов. Формирует «Прусскую невесту» как цикл наличие «сквозных» персонажей, каждый из которых является центральным персонажем в «титულном рассказе» [9, с. 5] (чаще всего с заглавием-антропонимом) и второстепенным персонажем хотя бы ещё в одном рассказе. Появление персонажей в рассказах цикла «Прусская невеста» не обусловлено ни хронологией событий, ни тематикой произведения. Наиболее частотными персонажами являются участковый Лёша Леонтьев, доктор Шеберстов и «царица» города Буяниха. Именно в рассказе «Чудо о Буянихе» представлен полный список персонажей «Прусской невесты», что позволяет выявить ещё одну особенность творчества Ю. В. Буйды - способ их наименования. Буйда всем героям даёт прозвища, а полное имя с фамилией и отчеством – редкое явление; даже если фамилия сохраняется у персонажа, то она начинает выступать в роли прозвища, например, имя Дед Муханов всегда появляется вместе с определением «набивавший сигареты грузинским чаем высшего сорта» ... [5, с. 52, 214, 219, 283].

О. А. Славникова отмечает: «У каждого героя книги <...> своя невероятная история. Она начинается с того, что человек, переселяясь в переименованную местность, сам переименовывается: получает прозвище. Тем самым он принимается в персонажи. В каждом прозвище (всегда уникальном, ручной, так сказать, работы, их у Юрия Буйды целая коллекция) уже зашифрован туго свёрнутый сюжет» [16, с. 214]. С иных позиций рассматривает прозвища В. Я. Курбатов: «Это не клички — это удостоверение подлинности, это знак принадлежности к мифу и житию. Это название сущности, которая за именем, так что если эта сущность ускользала, то человека пропускали мимо ушей» [13, с. 162].

В последнем рассказе цикла, «Буйда (вместо послесловия)», автор также особое внимание уделяет имени - как своему, так и своих героев: «У меня не было даже мало-мальски приличного прозвища, в то время как в городке многие были обладателями роскошных псевдонимов, раскрывавшихся подчас лишь на могильной плите. Колька Урблюд и Вита Маленькая Головка, парикмахер По Имени Лев и Машка Геббельс (которую называли ещё Говноротой, поскольку была она великой ругательницей, а набравшись самогона с куриным пометом, требовала уничтожить “всех жидов”, каковых в городке было трое или четверо: она считала, что именно они насылают порчу на её кур и поросят), сёстры-близняшки Миленькая и Масенькая, Кацнельсон-Кальсоныч и болтливейшая старуха Граммофониха... [5, с. 303].

Без прозвищ оказываются только участковый Лёша Леонтьев и доктор Шеберстов, но при этом именно они являются самыми частотными персона-

жами. Это своеобразная «интеллигенция» города, а остальные персонажи, кроме стоящей особняком Буянихи, – это «маленькие люди», превратившиеся в умалишённых: *«Все чокнутые делились в городке на две категории: на тех, кто от роду дурак, и на тех, кто свихнулся из-за безудержного пьянства и лечился в психушке»* [5, с. 261].

Уже упомянутый рассказ «Чудо о Буянихе» интересен не только тем, что знакомит со всеми персонажами цикла, он раскрывает образ женщины у Буйды. Она не только «невеста», метафорически связывающая прошлое и настоящее, но и «мать рода», дающая жизнь. Буяниха – «царица города», всё в городе ею преобразовано и ей принадлежит: *«Это был мир, который она сотворила, - точнее, перевоссоздала по своей воле и разумению, и именно этот мир (быть может, и мало чем отличающийся от того, который мог существовать и без Буянихи, но всё же – иной) должен исчезнуть, кануть в небытие. Водокачка Буянихи. Мостовые Буянихи. Голуби Буянихи. Водопад Буянихи. Шлюзы Буянихи. Облака Буянихи. Сновидения Буянихи...»* [5, с. 114]. Именно Буяниха являлась автором многих прозвищ, таким образом раскрывая сущность окружающих её людей: *«Когда его похоронили, Буяниха вдруг ни с того ни с сего изрекла: “Если есть Бог, то должен быть и Чекушонок”. Только эти слова люди потом и вспоминали, самого же Чекушонка - забыли»* [5, с. 21].

Те же приёмы циклообразования были использованы Ю. В. Буйдой и во втором цикле – «Жунгли». Подробно останавливаться на них мы не будем, а только приведём некоторые примеры.

Заглавие цикла «Жунгли» метафорично, т.к. оно «творит» миф о небольшом посёлке за МКАД, постепенно становящемся частью Москвы. Жунгли – это и официальное название посёлка Вторая Типография (*«посёлок за кольцевой автодорогой, входивший в состав Москвы и официально называвшийся Второй Типографией, где жили по большей части старики, инвалиды и алкоголики»* [4, с. 58]), и единый образ сразу нескольких соседних посёлков: Чудов, Кандаурово, Новостройка, Кольцевая и Больница. Эти посёлки и основные персонажи перечислены в рассказе «Закон Жунглей». Все герои (кроме участкового Семёна Семёновича Дышло и доктора Жереха) именуется прозвищами: Штоп, Крокодил Гена, Климс, Розовая По, Шут Ньютон и т.д. Большинство заглавий рассказов являются антропонимичными: «Карлик Карл», «Эсэсовка Дора», «Лалая Фимочка» и т.д. Пред нами всё те же «маленькие люди»: «Жители, населяющие мир Буйды, все эти пьяницы, нищие, женщины лёгкого поведения, многочисленные и разнообразные штопы, общие лизы и другие “високосные люди” вызывают симпатию – и сочетанием низкого и высокого, добра и зла, и той живостью, с которой автор изображает своих героев» [7, с. 177]. Они отличаются от героев «Прусской невесты» лишь тем, что каждый второй читает Евангелие. Персонажи «Жунглей» переходят из рассказа в рассказ и появляются в качестве второстепенных в уже упомянутом рассказе «Закон Жунглей», главный герой которого Штоп, как и Буяниха в «Прусской невесте», является автором многих прозвищ: *«Покойную жену, например, он называл Жозефиной, хотя по документам она была Зинаидой, а если сердился на дочь Камелию, то ругал её Вирсавией. А вот Галину Леонидовну Татаринкову – она жила напротив – он прозвал Гальперией»* [4, с. 65].

И в «Жунглях» есть своя «царица» – Эсэсовка Дора, мать семейства Однобрюховых, которых в «*Чудове и окрестностях проживало множество*» [4, с. 97], и ради них Эсэсовка Дора была готова на всё.

Итак, книги Ю. В. Буйды «Прусская невеста» и «Жунгли» – это эпические прозаические циклы, выстроенные автором с помощью единых принципов циклизации и имеющие общие темы и мотивы. Связь рассказов в этих циклах теснее, чем в циклах других авторов, и происходит это за счёт включения постоянно повторяющихся, «сквозных» персонажей. Но в то же время циклы Юрия Буйды отличаются открытой структурой без «жесткой» временной последовательности эпизодов. Именно эта особенность позволила автору в 2011 г. дополнить книгу новыми рассказами, расширив её почти в два раза, и издать под наименованием «Все проплывающие» [3]. Это не просто дополненное переиздание «Прусской невесты», это новый текст, новый цикл. «Жунгли» же расширились иначе: в том же 2011 г. Буйда написал роман «Синяя кровь» [6], действие которого происходит в городе Чудов, а все персонажи, кроме главной героини Иды Змойро, это персонажи цикла «Жунгли». Таким образом, можно говорить о том, что в данном случае авторская мысль движется в творческой истории произведения от цикла к роману.

Список литературы

1. Агеев, А. Чёрная бабочка сновидений [Текст] / А. Агеев // Знамя. – 1999. – № 7. – С. 213–215.
2. Афонина, Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла : [Текст] монография / Е. Ю. Афонина. – СПб. : ИНТАН, 2006. – 128 с.
3. Буйда, Ю. Все проплывающие [Текст] / Ю. Буйда. – М. : Эксмо, 2011. – 704 с.
4. Буйда, Ю. В. Жунгли [Текст] / Ю. В. Буйда. – М. : Эксмо, 2010. – 384 с.
5. Буйда, Ю. В. Прусская невеста [Текст] / Ю. В. Буйда. – М. : Новое литературное обозрение, 1998. – 320 с.
6. Буйда, Ю. Синяя кровь [Текст] / Ю. Буйда. – М. : Эксмо. 2011. – 288 с.
7. Горшкова, Е. Не такое уж тёмное царство [Текст] / Е. Горшкова // Октябрь. – 2011. – № 11. – С. 174–178.
8. Гуськова, А. Яблоня от яблони, плоть от плоти [Текст] / А. Гуськова // Новый мир. – 2011. – № 11. – С. 186–188.
9. Дегтяренко, К. А. Языковые приёмы комического в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста» [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. А. Дегтяренко ; Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта. – Калининград, 2009. – 24 с. – На правах рукоп.
10. Затуло, С. В. Сильные позиции цикла «Бедные родственники» Л. Улицкой [Текст] / С. В. Затуло // Вестник Тверского государственного университета. – 2010. – № 31 (Филология). – С. 71–75.
11. Ирмияева, Т. Ю. Буйда. Прусская невеста [Электронный ресурс] / Т. Ирмияева // Русский журнал. – 1998. – 28.12. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/journal/kniga/98-12-28/irmyi.htm>. – Дата обращения: 29.01.2011. – Загл. с экрана.

12. Каневский, Г. Юрий Буйда. Все проплывающие [Электронный ресурс] / Г. Каневский // Электрон. газета. – 2011. – 15 июня. – Режим доступа: <http://www.openspace.ru/literature/events/details/23083> – Дата обращения: 29.01.2011. – Загл. с экрана.
13. Курбатов, В. Дорога в объезд [Текст] / В. Курбатов // Дружба народов. – 1999. – № 9. – С. 156–165.
14. Новая антология. Российские писатели. Юрий Буйда. [Электронный ресурс] : [Электрон. книга]. – Режим доступа: <http://buida.ru/blog/> – Дата обращения: 23.01.2012. – Загл. с экрана.
15. Прилепин, З. Там Гоголь подмигнет, здесь Башлачёв вспомнится... [Электронный ресурс] / З. Прилепин // Новая газета. – 2011. – 22.08. – Режим доступа: <http://pda.novayagazeta.ru/arts/48165.html>. – Дата обращения: 29.01.2011. – Загл. с экрана.
16. Славникова, О. Обитаемый остров [Текст] / О. Славникова // Новый мир. – 1999. – № 9. – С. 212–216.
17. Сорокина, Т. В. Отечественная проза рубежа XX-XXI веков в аспекте «вторичных художественных моделей» (Л. Петрушевская, Ю. Буйда, Вик. Ерофеев) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Т. В. Сорокина ; Каз. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2005. – 23 с. – На правах рукоп.
18. Шульц, Б. Трактат о манекенах, проза, переписка, эссе [Текст] / Б. Шульц. – СПб. : ИНАПРЕСС, 2000. – 436 с.

**“THE PRUSSIAN BRIDE” AND “THE ZHUNGLI”
BY YU. V. BUIDA: FEATURES OF THE GENRE**

S. V. Nesterova

The paper examines two epic prose cycles by Yury Buida “The Prussian Bride” (1998) and “The Zhungli” (2011). Both books are constructed using the same principles of cyclization, which include such items as a metaphorical title, “prevailing” characters, “the image of the little man” as the central character, repeating motifs.

Keywords: *cycle, short story, title, frame, motif, name*

Об авторах:

НЕСТЕРОВА Светлана Викторовна – аспирант кафедры теории литературы Тверского государственного университета, e-mail: snesterova@braams.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.